

Г. Д. Чивликлий
Днепропетровск

ПАРАДОКСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЫБОРА (ПО РОМАНУ Б. ОКУДЖАВЫ «СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ»)

В статі розглядається історична концепція роману Б. Окуджави «Побачення з Бонапартом» в контексті культурологічного протиставлення Росії та Європи. Головним історичним парадоксом для героїв роману є перетворення просвітників в загарбників. Усвідомлення загальної долі з народом не відкидає трагічних протиріч в світогляді дворянської інтелігенції, що орієнтована на європейські стандарти. В романі, що побудований як стилізація мемуарів, записів в щоденниках та листування персонажів, представлені різні позиції. Історичний процес співвідноситься з природою та антропологією, що робить його механізм принципово непізнаваним. Спроби змінити хід історії незмінно обертаються хаосом. Повстання декабристів є прямим результатом побачення російського суспільства з Бонапартом. Роман Б. Окуджави написаний наприкінці радянського періоду історії, для якого ключовою подією стала ще одна Вітчизняна війна. Автор ставить питання про неможливість усунути протиріччя між європейськими прагненнями інтелігенції та таємничою природою непередбачуваного російського життя. Його герої не бачать виходу: самогубство, участь у повстанні або прийняття самодержавної системи як єдиного спасіння від хаосу. Головні культурологічні проблеми, заявлені в романі, залишаються вкрай актуальними. Жодна з них не вирішена однозначно, що надає можливість різних інтерпретацій та подальшого вивчення історичної концепції автора.

Ключові слова: міфологема, освітні концепції, історичний парадокс.

В статье рассматривается историческая концепция романа Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» в контексте культурологического противопоставления России и Европы. Главным историческим парадоксом для героев романа является преобразование вчерашних просветителей в банальных захватчиков. Осознание общей судьбы с народом не отменяет трагических противоречий в мировоззрении дворянской интеллигенции, ориентированной на европейские стандарты. В романе, построенном как стилизация мемуаров, заметок в дневнике и писем персонажей, представлены разные позиции. Исторический процесс соотносится с природой и антропологией, что делает его механизм в принципе непознаваемым. Попытки изменить ход истории неизменно оборачиваются хаосом. Восстание декабристов – прямой результат свидания русского общества с Бонапартом. Роман Б. Окуджавы написан на закате советской истории, ключевой точкой которой стала еще одна Отечественная война. Автор задается вопросом неразрешимости противоречий между европейскими устремлениями интеллигенции и таинственной природной непредсказуемостью русской жизни, которая не укладывается в западные лекала. Его герои не видят выхода: самоубийство, участие в восстании или принятие государственной самодержавной машины как единственного спасения от хаоса. Главные культурологические вопросы, поставленные в романе, по-прежнему остаются крайне актуальными. Ни один из них не решен однозначно, что дает возможность разных интерпретаций и дальнейшего изучения исторической концепции автора.

Ключевые слова: мифологема, образовательные концепции, исторический парадокс.

The article is devoted to the historical concept of the novel by Bulat Okudzhava "A Date with Bonaparte" in the context of culturological contraposition between Russia and Europe. Main historical paradox for the characters of the novel is transformation of yesterday's enlighteners into trivial invaders. The fact that noble intelligentsia realize the common fate with people doesn't abolish its tragic contradictions in world view which is focused on European standards. The novel created as pastiche of memoirs, notes in a diary and letters of characters displays different opinions. Historical process is accosted with nature and anthropology that makes its mechanism incognizable in principle. Attempts to change the course of history are permanently turning into chaos. The Decembrist revolt is a direct result of a date of Russian society with Bonaparte. This novel by Okudzhava was written at sunset of Soviet history whose key point was one more Patriotic War. The author wonders about unsolvability of contradictions between European aspiration of intelligentsia and mysterious natural unpredictability of Russian life which is beyond belief of European model. His characters don't see suicide, participation in revolt or acceptance of the State autocratic mechanism as only solution that helps to escape from chaos. Main culturological questions of the novel are still questions of current interest. None of them was answered unambiguously and it offers an opportunity to different interpretations and further studying of the author's historical concept.

Key words: *mythologeme, educational concepts, historical paradox.*

Феномен творчества Булата Окуджавы остается одной из самых обаятельных загадок советской культуры. При этом Окуджава-поэт по-прежнему заслоняет в восприятии читателей (слушателей) историческую прозу, новаторская форма которой наконец по достоинству оценена современным литературоведением. Прошло уже 30 лет с тех пор, как вышел в свет последний исторический роман Окуджавы – «Свидание с Бонапартом». Между тем эта книга, появившись на изломе эпох, накануне глубоких перемен, в очередной раз переверотивших весь уклад жизни огромной страны, остается в значительной степени непрочитанной и недооцененной.

Из всех возможных аспектов анализа в данной статье предлагается культурологический подход, в первую очередь потому, что именно русская культура первой половины XIX века исследуется, обыгрывается, воплощается самим автором. По меткому замечанию одного из критиков, тексты Окуджавы «точнее было бы назвать не историческими, а культурологическими фантазиями: подобно тому, как исторических романистов влечет «дух истории», автора <...> влечет «дух культуры» [8, с. 164]. Предметом анализа станет одна из главных мифологем, на которых держится причудливое строение «Свидания с Бонапартом» – многовековой роман России с Европой, показанный в трагический период этой любовной истории – войны 1812 года. Нам представляется, что книга Окуджавы необычайно созвучна сегодняшним проблемам, ибо, как всегда в русской классике, вопрос не решен однозначно, но поставлен точно и бескомпромиссно, как диагноз.

Данная проблема, заявленная в самом названии романа, неоднократно рассматривалась в работах, посвященных прозе Б. Окуджавы. Одной из первых к ней обратилась Г. Белая [1, с. 213]. Она

анализирует текст как историю «утраченных иллюзий» русского дворянства начала XIX века: «Иллюзии насчет французов, спасителей Европы; насчет Европы, спасительницы России; насчет помещиков, спасителей крестьян <...>, – все разрушено». Интересную трактовку проблематики всего исторического цикла Б. Окуджавы дает в своей статье «“Прогулки фрайеров”: Историческая тетралогия Булата Окуджавы как целое» М. Назаренко. Он исходит из того, что все четыре романа объединены сложной историко-философской концепцией, в которой ведущую роль играет не столько история, сколько антропология. Ученый отмечает, что «Свидание с Бонапартом» всем строем повествования указывает на иррациональный характер истории, где на равных действуют «природа мира и человека». Это самый трагичный из романов Окуджавы, «потому что для героев закрыты все выходы – вернее, все выходы видятся ложными» [6, с. 40]. Прилежные ученики европейских мудрецов вынуждены признать невозможность перестроить Россию по иноземным образцам, да и сами учителя уже не выглядят убедительно.

Иначе расставлены акценты в трактовке Л. Труса и Д. Быкова. Л. Трус видит в романе урок злободневной философии: краеугольным камнем исторической концепции романа, по мнению критика, является отношение героев к крепостному праву и – шире – к рабству как вечному позору России. Главная проблема «Свидания с Бонапартом» в этой версии – необходимость осознания личной ответственности за происходящее в стране сводит сложный текст Окуджавы к публицистическому высказыванию. Д. Быков в монументальном биографическом исследовании «Булат Окуджава» посвящает отдельную главу интересующему нас роману. Он также делает акцент на декабристской теме противостояния свободной личности государственной машине. Оккупантами в этой интерпретации являются вовсе не французы, а собственное государство. Более продуктивным в контексте рассматриваемой проблемы нам представляется утверждение С. Бойко о том, что главной особенностью исторической романистики Окуджавы является «пересмотр штампов и мифов отечественного исторического сознания» [2, с. 120]. Вынося в название романа имя Бонапарта, писатель вызывает на свидание современного читателя. В момент выхода книги таким читателем был советский интеллигент со всем набором просветительских иллюзий и затверженной со школьной скамьи формулировкой Ленина о трех поколениях революционеров, согласно которой именно декабристы зажгли ту искру, чье разгоревшееся пламя уничтожит самодержавие в России. Правда, результаты торжества просветительских идей в отдельно взятой стране к тому времени уже мало кого устраивали.

Толчком к написанию романа, как указывают мемуаристы, стал реальный документ – предсмертное письмо молодого ярославского дворянина И.М. Опочинина, застрелившегося по причинам философского

свойства, главной из которых стало «отвращение к нашей русской жизни». Этот документ был тщательно проанализирован Ю. Лотманом в контексте изменений, произошедших в отношении к смерти образованных русских людей конца XVIII века. «Для дедов – людей допетровской эпохи – и отцов, живших в воинственное время, смерть была лишь завершением жизни, ее естественным рубежом и неизбежным итогом. <...> Человек второй половины века, современник Вольтера и читатель Гельвеция, с улыбкой превосходства отвернулся от отцовских верований. Взамен он получил сомнения и отчаяние. Но зато он приобрел и огромную свободу. Он как бы вырос до гигантских размеров и оказался один на один, лицом к лицу с вечностью» [5, с. 215] Свобода включала в себя право «вернуть творцу билет».

Б. Окуджава закольцовывает сложную композицию романа двумя самоубийствами. В начале своих записок генерал Н. Опочинин размышляет о загадке смерти собственного брата (автор оставляет в тексте не только подлинную фамилию прототипа, но и почти дословно цитирует знаменитое письмо) – в последних строках другая главная героиня, Варвара Волкова сообщает в письме о том, что «навсегда покончил счеты с жизнью» любимый внук генерала Тимофей. В отличие от своего предка Тимоша, как любовно называют героя все действующие лица, не оставил никаких объяснений. «Что на самом деле толкнуло его на столь невероятное и ужасное решение своей судьбы, за чьи грехи расплатился он, мы, так любившие его, теперь уже никогда, никогда не узнаем...» [7, с. 283]. Тимоша – единственный из главных героев, лишенный автором возможности прямого высказывания. В романе, построенном как стилизация мемуаров, заметок в дневнике и писем персонажей, он всегда дан в чужом восприятии. Обаятельный юноша безусловно «декабристского» типа представляет некую загадку, маркированную автором постоянно упоминающейся «опочининской тоской» в бархатных глазах. Между тем грядущая трагическая судьба последнего Опочинина заявлена чуть ли не на первых страницах книги. Смерть брата взорвала простой гармоничный мир вояки и помещика. В прощальном письме содержалась просьба сжечь библиотеку, но генерал сохранил часть книг, считая их прямыми виновниками трагедии. «Молчаливые, затаившиеся, все в благородных одеждах, гордые собственной правдивостью разрушители покоя, они вошли в мой дом и тихо разместились вокруг, заманчиво посверкивая корешками, покуда к ним не потянулась тонкая цепкая загадочная ручка Тимоши.

Так погибали Опочинины, вызывая у соплеменников не жалость, а лишь подозрение и ужас...» [7, с. 17]. И так, как в хорошем детективе, виновник назван в самом начале, но читатель до последних страниц остается в сомнении. Идеи Просвещения, воспринятые дворянской молодежью с энтузиазмом неопитов, требовали мгновенного воплощения в жизнь. Но мешало этому воплощению не только злоказенное

самодержавие, а весь многовековой уклад огромной страны, лишь частично, на уровне фасада европеизированной Петром. Страна поменяла одежды, суть же ее осталась прежней, но молодое поколение образованных русских европейцев не хотело с этим смириться. По чудесному парку с гондолами на пруду, устроенному в своем имении по возвращении из путешествия по Европе Александром Опочининым, «испуганно топтались дворовые, наряженные его капризом в чистые рубахи, и украдкой сморкались в кружевные рукава» [7, с. 17]. Действительность не хотела преображаться, идеалы упорно не желали воплощаться, вонь скотного двора и «унылые рожи истинных вятичей», отпущенных на волю прощальным письмом самоубийцы, не оставляли надежды. Смерть брата посеяла зерно сомнения в душе генерала Опочинина. Он тоже исходил всю Европу, и для него французы – учителя военной стратегии. И он уязвлен до глубины души вопросом совсем юной прусской барышни, которую удостоил предложением руки и сердца: «На каком же языке, – спросила она, – я буду изъясняться с вашими рабами, герр Опочинин?» [7, с. 20]. Вот так в роман входит ключевое слово, небрежно произнесенное далеко от России, как приговор Европы: вы, конечно, дворянин, и генерал, и богаты, и языки знаете, но помилуйте, разве вы нам ровня – ведь у вас рабы! «Да это не рабы, дура, это мои люди, мои! Я вырос среди них, я вхожу в людскую, мне все знакомо <...> Это у вас, у прусских дураков, каждый сам по себе, а мы вместе спокон веку!» [7, с. 20]. Генерал возмущен, оскорблен, но по возвращении домой взгляделся в знакомые лица дворовых и увидел, что они чужие: «“А одна ли у нас кровь?” – подумал я, и пробитое пулей лицо Саши Опочинина возникло передо мною» [7, с. 20].

Эта тема – кровной связи и непримиримых противоречий, готовых обернуться катастрофой бунта в отношениях дворян с крепостными, – постоянно присутствует и в размышлениях Варвары. В двенадцатом году ей довелось пережить свой звездный час в роли атаманши партизан – собственных крестьян. Но чаще она вспоминает их неудавшееся восстание и себя с пистолетами в руках на пороге дома, который через несколько минут сгорит дотла. «Нет, Тимоша, равенства не бывает, <...> бывает тревожное перемирие», – втолковывает она вернувшемуся победителю наполеоновской армии. И слышит в ответ: «Так ведь мы их продаем, а не они нас» [7, с. 186]. Тимоша наделен в романе биографией типичного декабриста, с одной, очень важной поправкой: он категорический противник насилия ради утверждения великих идеалов свободы и равенства. В этом – поворотная точка выбора: сохраняя дружеские связи, он не участвует ни в тайном обществе, ни в восстании на Сенатской площади. Проведя некоторое время под арестом и будучи полностью оправданным, он возвращается домой, чтобы покончить жизнь самоубийством в том месяце, когда в Петербурге ломали шпаги над головами его боевых товарищей. Не участвуя в восстании, он разделяет

ответственность за него – по собственной воле. История его ареста выглядит реминисценцией из «Капитанской дочки». Так же ринулась в столицу молоденькая невеста, так же благополучно – полным оправданием заканчивается этот эпизод. Но вместо ожидаемой свадьбы и мирного течения жизни последней точкой истории становится необъяснимое самоубийство.

На этом фоне поразительно выглядят метаморфозы в сознании другого важного героя – Свечина. Загадочный похититель дамских сердец, бывший студент Сорбонны, с восторгом наблюдавший французскую революцию, философ и полемист западного образца в финале романа превращается в убежденного охранителя государственной твердыни. В своем письме Варваре, написанном по следам восстания декабристов, он размышляет о потребности в «хладном граните» самодержавия, «способном время от времени остужать не в меру горячие головы, мечтающие о разрушении <...> Разрушить легко, но как быть потом? Все знают, как разрушить, как пустить кровь, как вздернуть, как захватить, как покорить... Но как сделать меня счастливым, не знает никто» [7, с. 264]. В последних словах не очень приятного господина Свечина отчетливо слышен голос автора. Автора, прошедшего еще более жестокую войну и переболевшего вместе со своей страной идеалами великого переустройства мира, конечно же, ради торжества добра и справедливости. Автора, чувствующего кровное родство с опочининской тоской, при виде все так же несокрушимой твердыни бездушной государственной машины, но, в отличие от своих героев, слишком хорошо знающего, что стало с этой страной, когда твердыня пала.

Главным историческим парадоксом, над которым размышляют в роковом двенадцатом году образованные русские дворяне, стало удивительное преображение: мудрые учителя, апостолы просвещения пришли в Россию как захватчики. «Я унижен в собственном доме! Унижен со дня рождения! Мои кумиры оскорбили меня!» [7, с. 57] – восклицает генерал, замышляя взорвать свой дом вместе с приглашенным на обед Бонапартом. И хотя он воображает своих гостей в облике монголов, турок и других исторических противников, невыносимость оскорбления в том и состоит, что не дикие орды иноверцев, а просвещенные учителя топчут твою землю. Очень точно эти ощущения сформулировал в своем новом романе «Красный свет» М. Кантор: «Войну с Европой Россия всегда переживала как неизбежное и страшное горе – поскольку воевать требовалось со своим идеалом, со своим учителем, со всем лучшим в собственном сознании. <...> И главное – для того, чтобы победить Европу, требовалось стать Азией» [4, с. 124]. Это сказано о второй мировой, той самой, о которой Окуджава написал легендарное: «Мы за ценой не постоим» – как ответ сегодняшним русским европейцам, подсчитывающим с калькулятором все издержки победы.

Прошло двести лет после победы над Наполеоном и почти семьдесят после победы над Гитлером. Россия дважды оборачивалась на Запад «своею азиатской рожей», изгоняла захватчиков, переживала закономерный подъем гордости и патриотизма, чтобы снова с недоумением оглядеть бессмертную «гранитную твердыню», в который раз ужаснуться и начать мечтать о переустройстве по европейским лекалам. «Рабы не рабы, позор не позор», – прислушайтесь, все те же разговоры не стихают вокруг нас сегодня. «После всех бурь, пережитых нами, о чем я думаю?» – пишет Варвара. – «Я не властна над жизнью, я ее пленница, я ее дитя, мы все ее дети. Она преображается сама, исподволь, и наше терпение ей споспешествует. Не нам ее ломать и приспособливать под временную свою угодку» [7, с. 197].

Библиографические ссылки

1. Белая Г. А. Литература в зеркале критики. Современные проблемы: Монография / Г. Белая. – М.: Сов. писатель, 1986. – 368 с.
2. Бойко С. Луиза. О работе романиста с мемуарным источником / С.Бойко // Булат Окуджава: его круг, его век. Материалы 2-й международной конференции. Переделкино, 30 ноября – 2 декабря 2001. – М.: Соль, 2004 – С. 120–135.
3. Быков Д. Л. Булат Окуджава / Д.Быков. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 777 с.
4. Кантор М. Красный свет / М.Кантор. – М.: АСТ, 2013. – 608 с.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.Лотман. – СПб: Искусство – СПб, 2011. – 413 с.
6. Назаренко М.А. «Прогулки фрайеров»: Историческая тетралогия Булата Окуджавы как целое (К постановке проблемы) / М.Назаренко // Русская литература. Исследования: Сб. науч. трудов. — Вып. IV. — К.: ИПЦ «Киевский Университет», 2003. – С. 27–40.
7. Окуджава Б.Ш. Свидание с Бонапартом / Б.Окуджава. – М.: Известия, 1998. – 288 с.
8. Пискунова С., Пискунов В. Трагическая пастораль / С.Пискунова, В.Пискунов // Нева. – 1984. - № 10. – С.161–166.
9. Трус Л. «Свидание с Бонапартом»: жанр и смысл (опыт психологического анализа) / Л.Трус // Миры Булата Окуджавы: Материалы Третьей международной научной конференции, 18–20 марта 2005 г., Переделкино. – М.: Соль, 2007. – С. 50–55.

Надійшла до редколегії 10 травня 2014 р.

УДК 821.161 (09)

Ю. В. Чимирис

Харьков

ЛИЧНОСТЬ А.С. СУВОРИНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО «ДНЕВНИКА»

Аналізуються особливості особи, характеру, внутрішнього світу О.С. Суворіна на основі записів, зроблених ним в «Дневнике». Підкреслюється, що щоденникові записи мають достатньо надійний та великий ступінь правдивості та щирості,